

Памяти Гюстава Флобера.

(1821—1921).

„Ah! mon ami, l'homme est un composé instable, et la terre une planète bien inférieure“.

Litré.

Не помню кто изъ русскихъ литераторовъ говорилъ, что, въ моменты душевной тоски, онъ снимаетъ съ полки „Письма Пушкина“, и оживающій человѣческой образъ поэта возвращаетъ ему силы. Дѣйствительно, есть такія книги-друзья, протягивающія намъ сочувственную руку изъ глубины минувшаго. Это не возвышающій обманъ и не облитый слезами вымысль, а подлинныя человѣческіе документы, наслѣдство „старшихъ сыновъ Господнихъ“, по счастливому выраженію Мишле. Ихъ можно читать не только для развлечения, не только съ образовательной цѣлью — ихъ нужно читать, чтобы жить. Таковы „Письма“ Пушкина, таковы „Разговоры“ Гете, такова переписка того великаго француза, память котораго должна была бы единодушно чествовать въ этомъ году вся Франція, — знаменитаго чудака изъ Croisset, Гюстава Флобера.

Все написанное Флоберомъ для печати не даетъ должнаго представленія о личности писателя. „Существуютъ два рода поэговъ, говоритъ Флоберъ. Одни — величайшіе, подлинныя, рѣдкіе мастера, резюмирую цѣе человѣчество; они, не помышляя ни о себѣ, ни о собственныхъ своихъ страстяхъ, устраняютъ свою личность, чтобы войти полностью въ личность другихъ; они воспроизводятъ вселенную, которая отражается въ ихъ твореньяхъ, искрищаяся, разнообразная, множественная, подобно цѣлому небосводу, отображающемуся въ морѣ со всѣми своими звѣздами и со всей своей лазурью. Другимъ же достаточно творить, чтобы быть гармоничными, достаточно плакать, чтобы умилять, достаточно заниматься самими собой, чтобы остаться вѣчными“. Идеаломъ своего творчества Флоберъ избираетъ первый методъ. Онъ устраняетъ свою личность, онъ перевоплощается въ своихъ героевъ, живетъ ихъ мыслями и чувствами. Онъ переживаетъ грезы будущей Mme Bovary, вчитываясь въ дѣвичью сантиментальную литературу; онъ пропитывается ненавистнымъ ему мѣщанскимъ духомъ, чтобы говорить устами аптекаря Homais, онъ испытываетъ всё послѣдствія отравленія мышьякомъ, когда перо его воспроизводитъ пред-

смертную агонию его несчастной героини. Онъ претерпѣваетъ всѣ искушенія Св. Антонія. Онъ на развалинахъ Карфагена уносится въ далекое прошлое и вызываетъ къ жизни въ яркихъ бытовыхъ краскахъ цѣлую ушедшую эпоху. Проникая въ бездну человѣческой глупости, онъ послѣдовательно проходитъ циклъ людскаго знанія, переселяясь въ мозгъ двухъ убогихъ писцовъ, знаменитыхъ Bouvard и Pécuchet.

Вдохновеніе посѣщаетъ его; онъ знаетъ радости поэтическаго ясновидѣнія. Что то проникаетъ въ васъ, пишетъ онъ Тэню; это не галлюцинація, при которой вы терзаете ощущеніе личности и исполняеесь страхомъ. Нѣтъ, ощущеніе истинности не покидаетъ васъ — и все же вы не знаете, гдѣ вы... Иногда видѣніе раскрывается медленно, вещь за вещь встаютъ предъ вами какъ бы части одной декорации, часто оно мгновенно. Что то проходитъ передъ глазами — и надо жадно устремляться на него.

Но эти озаренія лишь моменты поэтическихъ всплывекъ, освѣщающихъ трудный путь художника. Какъ часто, подобно искателю жемчуга, бросается онъ въ глубину и возвращается съ пустыми руками и помертвѣвшимъ лицомъ. Праздникъ вдохновенія является наградой за кропотливый, постоянный, нечеловѣческій трудъ. Флоберъ не Пушкинъ, который произвольно, по самой природѣ своей, „въ Испаніи испанецъ, съ грекомъ грекъ, на Кавказѣ вольный горецъ, а съ отжившимъ человѣкомъ дышитъ стариной времени давно миноваго“. Такого дара интуиціи у Флобера нѣтъ. Онъ и зодчій, онъ и черно-рабочій. Камень за камнемъ стаскиваетъ онъ на себѣ отдѣльныя частицы своихъ будущихъ великолѣпныхъ зданій, нагромождаетъ груды матеріаловъ, сооружаетъ огромные лѣса и въ многолѣтнемъ каторжномъ трудѣ, пригоняя слово къ слову, нанизывая фразу на фразу, накладывая страницу на страницу заполняетъ постепенно содержаніемъ узоръ своего чертежа. Ночами сидитъ онъ надъ одной фразой, мѣсяцы уходятъ на нѣсколько десятковъ страницъ, доліе годы на сравнительно небольшой томъ. Но когда взыскательный художникъ ставитъ наконецъ точку надъ своимъ произведеніемъ, оно представляется ему однимъ сплавленнымъ цѣлымъ, какимъ то монолитомъ. Слова нельзя выбросить изъ его прозы, не нарушивъ ея гармоніи, ея ритма. Когда уже набиралась Mme Bovary, Флобера просятъ измѣнить наименованіе журнала, упоминаемаго въ романѣ, вмѣсто Journal de Rouen поставить хотя бы Le Progressif de Rouen. Казалось бы, вещь безразличная. Но Флоберъ въ ужасѣ; онъ полушутя пишетъ своему другу Bouilhet что онъ „снѣдаемъ сомнѣніями“, не знаетъ, какъ поступить. Онъ поручаетъ ему разрѣшить этотъ вопросъ и уже вполне серьезно внушаетъ ему: „поразились, это ломаетъ ритмъ моихъ бѣдныхъ фразъ. Это важно“.

Фразѣ, внѣшнему выраженію, стилю Флоберъ придавалъ огромное значеніе. За прекрасной формой не можетъ скрываться плохая идея, а хорошая идея можетъ быть выражена только прекрасной фразой. Уже на склонѣ лѣтъ, возражая Жоржъ Зандъ на упрекъ ея

въ увлеченіи внѣшней формой, онъ замѣчаетъ: „хорошо писать — это все“ и цитируетъ Buffon'a, который утверждалъ, что „хорошо писать — это въ одно и то же время хорошо чувствовать, хорошо думать и хорошо говорить“. „Забота о внѣшней красотѣ, продолжаетъ онъ, это для меня методъ. Если я обнаруживаю плохое созвучіе или повтореніе въ какой либо изъ моихъ фразъ, значить я идѣю въ фальшивую (je ratauge dans le faux); путемъ исканія я нахожу правильное выраженіе, которое и было единственнымъ и которое въ то же время гармонично. Никогда не будетъ остановки за словомъ, если владѣешь идеей“.

И какъ бытъ бы огорченъ Флоберъ, если бы ему сказали, что все же лучшимъ его памятникомъ явятся не прекрасные, сдѣлавшіе эпоху романы, написанные его неподражаемой, гармоничной, отточенной прозой, не *Madame Bovary* и *Éducation Sentimentale*, — а тѣ разрозненные клочки бумаги, на которыхъ онъ, въ непринужденной бесѣдѣ съ друзьями, просто „творилъ“, просто „плакалъ“, просто „вандалюса самъ собой“. Въ этихъ алмазныхъ брызгахъ его пера больше „гармоній“, чѣмъ въ его чеканныхъ твореніяхъ; глубже „умиленіе“, вызванное этими вдохновенными замѣтками; подлинно „дѣлать“ будетъ тотъ плѣнительный обликъ, который отдѣляется отъ этихъ случайныхъ листковъ.

„Страсть къ фразѣ иссушила твоё сердце“, говорила Флоберу его старушка мать. Дѣйствительно, если бы мы знали то его опубликованная Флоберомъ глубокія и художественнаго творенія — мы не знали бы всей глубины его гонимого сердца. Она раскрывается только въ его перепискѣ.^{*)}

Письма выдающихся людей представляютъ собой собою одну изъ интереснѣйшихъ проявленій человѣческаго творчества. Въ частности наша литература имѣетъ замѣчательные образцы эпистолярнаго рода. Достаточно назвать имя писемъ Пушкина, упомянуть письма Тургенева, Герцена, Эртеля, Чехова... Но переписка Флобера занимаетъ и въ эпистолярной литературѣ особенное мѣсто. Причиной тому служатъ три обстоятельства. Одно коренилось въ методѣ его художественнаго творчества, другое въ условіяхъ его жизни, третье — въ свойствахъ его характера.

Мы видѣли, какъ понималъ Флоберъ художественное творчество. Своими личнымъ настроеніямъ, переживаніямъ, размышленіямъ онъ не давалъ выхода. Поставъ Флоберъ молчалъ въ художникѣ, молчалъ со сжатыми зубами. А между тѣмъ, ему было что сказать. Невысказанныя имъ мысли душили его. „Вы думаете, писалъ онъ Ж. Зандю, что разъ я провожу жизнь за изготовленіемъ гармоническихъ фразъ,

^{*)} По моей инициативѣ и просьбѣ мой ближайшій сотрудникъ по „Русской Мысли“, С. Л. Франкъ началъ въ свое время переводить „Избранныя мѣста изъ переписки Флобера“ для нашего журнала и часть этого перевода превосходно исполненнаго была напечатана въ немъ.

избѣгая ассонансовъ, то у меня нѣтъ своихъ маленькихъ сужденій о предметахъ этого міра? Увы да, и я издохну въ ярости на то, что ихъ не говорю“. Единственный способъ выраженія его личныхъ мнѣній — было живое общеніе на словахъ и на письмѣ съ друзьями. Не удивительно, что напряженіе и яркость мысли, лишенной всякаго иного выхода, и вдругъ освобожденной отъ цѣпей, — достигаетъ совершенно исключительной силы.

Но это напряженіе питается самыми условіями жизни Флобера. Красавецъ въ молодости, обладатель независимаго состоянія, блестящій собесѣдникъ — Флоберъ явилъ своею жизнью своеобразный примѣръ того, что нѣмцы называютъ *Weltaskese*. Онъ страстно любитъ жизнь, онъ обладаетъ ненасытимой къ ней любознательностью, его большое сердце художника радостно открыто для всякаго ея подлиннаго проявленія. Что-то отъ Гетевского пантеизма есть въ его міроощущеніи. Но онъ не можетъ ужиться съ будничной дѣйствительностью — чувство прекраснаго, въ немъ заложено, болезненно реагируетъ на всѣ проявленія человѣческой глупости и пошлости; обволакивающее его со всѣхъ сторонъ мѣщанство приводитъ его въ неистовство и бѣшенство — онъ бѣжитъ отъ него въ уединеніе, ищетъ отдыха и успокоенія въ изученіи и лицезрѣніи прекраснаго. Да онъ и не хочетъ погрузиться въ обывательщину: онъ сознаетъ свое призваніе, искусству хочетъ онъ отдать всего себя полностью. Искусство — его прекрасная дама, онъ — ея рыцарь, вѣрный до гроба. Кто знаетъ, быть можетъ, Тургеневъ, обдумывая свою памятную рѣчь о Донъ Кихотѣ и оцѣнивая духовную значимость этого грандіознаго образа имѣлъ въ полѣ своего зрѣнія рядомъ съ невзрачной фигуркой неистоваго Виссаріона и массивную фигуру французскаго друга. Отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ, и то чистое, что горѣло въ сердцѣ Донъ Кихота, заполняло душу и Флобера. Характерно, что Донъ Кихотъ былъ твореніемъ, съ раннаго дѣтства близкимъ Флоберу и чтимымъ имъ до старости.

Едва ли исторія литературы знаетъ другой примѣръ такого полнаго безогляднаго отданія себя въ жертву искусству, такого безостаточнаго сжиганія себя на огнѣ этой единственной, всепроникающей страсти. Флоберъ подвижникъ искусства въ буквальномъ смыслѣ этого слова; оно заполняетъ всю его жизнь, налагаетъ на всю его судьбу неизгладимый отпечатокъ. Эта *idée maitresse* обуславливаетъ своеобразіе всѣхъ его личныхъ отношеній и связей. Жизнь его бѣдна внѣшними событіями. Что для него главнѣйшія событія? — отдѣльныя мысли, чтенія, нѣкоторые закаты солнца въ Трувилѣ надъ моремъ, многочасовыя бесѣды съ друзьями. Случалось видѣть вачъ надъ пропастью легкое растеніе, развѣваемое вѣтромъ, устремляющееся въ пространство? Едва замѣтный корень прикрѣпляетъ его къ камнямъ, а все оно — порывъ къ солнцу. Такъ и нашъ поэтъ отъ земли устремляется къ искусству. И это пламенное устремленіе, опредѣляющее отношеніе Флобера ко всѣмъ лицамъ и событіямъ, находитъ сво-

бодное, такъ сказать, непрофессиональное выраженіе только въ его перепискѣ.

Если и методъ работы и условія жизни Флобера создавали обстановку, при которой переписка его должна была явиться мощнымъ выраженіемъ его творческой дѣятельности, то интимная прелесть, человѣческая близость и нравственная значительность его переписки обусловлены свойствомъ его личности. Флоберъ былъ человѣкомъ безпримѣрной искренности и правдивости въ сочетаніи съ огромнымъ чувствомъ ответственности за свои дѣйствія, слѣдовательно, и слова. Вотъ ужъ у кого „слово гнило“ не вылетало изъ устъ! За внѣшней формой случайной импровизаціи, содержаніе остается неизмѣнно глубокимъ и проникновеннымъ. За каждычъ выраженіемъ, за каждой мыслью чувствуется трепетаніе духовнаго нутра. Ничего не сказано, что не было бы продумано, прочувствовано, выстрадано, что не вырывалось бы прямо изъ сердца. Ощущеніе интимной близости къ автору не покидаетъ васъ ни на минуту, и всегда вы ощущаете его подлинную сущность, не заслоняемую внѣшней преградой словъ, чувствуете дыханіе его внутренняго „я“. Вотъ онъ пишетъ матери — и неизреченной нѣжностью вѣетъ отъ этихъ писемъ огромнаго, немолодого уже мужчины къ одинокой старушкѣ, тому незначительному корешку, который прочіе всего держитъ его на землѣ. Вотъ его письма Луизѣ Коле единственной женщины, которая вызвала съ его стороны серьезную привязанность — замѣчательная исповѣдь чистой, благородной сильной мужской души. Едва ли въ мировой литературѣ найдется другое произведеніе съ такой силой отражающее принципиальную психологическую разнокачественность мужчины и женщины. А вотъ онъ уже усталый и пожилой пишетъ своему сердечному и почитаемому другу Ж. Зандъ. Это уже осень, задумчивая, ясная, зрѣлая, освѣщаемая послѣдними грозами. Мы видимъ его юнымъ и старымъ, онъ пишетъ матери, любимой женщины, различнымъ друзьямъ, пишетъ о Шекспирѣ и Байронѣ, о существѣ поэтическаго творчества, о социализмѣ, о любви, о путевыхъ впечатлѣніяхъ — и за рядомъ глубокихъ мыслей, блестящихъ сравненій, красочныхъ описаній, тончайшихъ психологическихъ наблюденій, искрившихся остротъ, за теплыми дружескими словами и гнѣвными восклицаніями, за слезами и смѣхомъ мало по малу вырисовывается во весь ростъ, во всемъ многообразіи житейскихъ отношеній живая личность Флобера. Много ли найдется лицъ, которые выдержать свидѣтельское показаніе своей собственной переписки за длинную жизнь? Всегда почти переписка есть въ извѣстной степени разоблаченіе; у Флобера, наоборотъ, она — откровеніе, и нельзя передать какимъ обаяніемъ вѣетъ отъ постепенно раскрывающагося его духовнаго облака. Медленно и задумчиво проходить онъ мимо васъ, на пути жизни. Какъ пламя, несомое противъ вѣтра, сердце его влечется назадъ, къ наметникамъ прошлаго. Съ горечью взираетъ онъ на современность, на торжествующее мѣщанство, обдавая его ѣдкимъ сарказмомъ. Его возмущаютъ доктринерскія попытки вмѣстить въ

сухія придуманныя формулы безграничность жизни. Мы готовы повѣрить, что солнце свѣтитъ лишь для насъ, а между тѣмъ мельчайшая точка млечнаго пути — огромный міръ, а усиленіе телескопа открываетъ новые и новые. Не глупо ли на человѣческихъ вѣсахъ пытаться измѣрить пески морскаго берега: на немъ можно либо гулять, либо преклонить колѣна. Жизнь надо пріять, какъ она есть, слѣдуя одному лишь чувству прекраснаго. Въ жизнь, не оскорбляемъ и не извращаемъ живымъ лицепріятіемъ, прекрасна во всемъ, даже въ гротескѣ. Развѣ не прекрасенъ Раблэ? Надо найти лишь точку опоры, ее надо искать въ себѣ, въ глубинѣ своего духа. И въ искусствѣ есть свой мистицизмъ, своя религія.

* * *

Мы не можемъ здѣсь излагать содержаніе замѣчательной переписки Флобера, но на одномъ вопросѣ мы хотѣли бы немного остановиться во вниманіе къ его животрепещущей современности — это на социальна-политическихъ везерннчхъ Флобера.

Флоберъ прежде всего индивидуалистъ; въ творческой личности видитъ онъ основную человѣческую цѣнность и съ негодованіемъ и грустью взираетъ на возрастаніе ривеллирирующихъ общественныхъ теченій. Онъ не поддается гипнозу словъ — „республика“, „демократія“, „всеобщее образованіе“, всеобщая подача голода въ“, онъ не видитъ въ ихъ осуществленіи панацею отъ вѣхъ социальныхъ золъ. Дѣтской сказкой звучатъ для него увѣренія будто человечество, на путяхъ прогресса, постепенно овладѣваетъ формулой благополучнаго и безобиднаго существованія, близится къ окончательному разрѣшенію социальнаго вопроса. Самое слово „соціальный вопросъ“ глубоко возмущаетъ его. Тотъ день, когда будетъ найдено его рѣшеніе — будетъ послѣднимъ днемъ нашей планеты. Жизнь, исторія, все лобби: есть вѣчный вопросъ. Къ суммѣ прибавляются все новыя цифры. Можно ли сосчитать спицы вертящагося колеса? XIX вѣкъ, въ своей гордынѣ освобожденна о раба, воображаетъ, что онъ открылъ солнце. Говорятъ, Реформація подготовила Революцію. Да, но если бы на этомъ дѣлѣ остановилась! Видѣ сама Революція есть опять подготовленіе чего то новаго. И такъ далѣе и т. д. Наши самыя передовыя идеи покажутся смѣливыми и отставыми, когда на нихъ въ будущемъ будутъ оглядываться черезъ плечо. Демократія, такое же послѣднее слово человечества, какъ было рабство, феодализмъ, монархія...

Человѣчество идетъ къ великому кризису. Сзади развалины, впереди еще неясныя зачатки будущаго, а кругомъ въ современности все прогрессирующее униженіе равненіе человечества по неизменной пошлости. Быть вѣкъ язычества, быть вѣкъ христіанства, наступать вѣкъ „мюфлязма“ (mufflisme), царство людскаго скотства. Равенство — вотъ лозунгъ ненавидящей свободу современности. Но это мертвящій, а не живительный лозунгъ, онъ вытравляетъ изъ сознанія людей подлинныя непреложныя цѣнности человѣчески общаго

жизнѣ — право, справедливость, онъ разрушительнъ, антисоціаленъ. Все демократическое міровоззрѣніе проникнуто насквозь идеей равенства — и тѣмъ оно неприемлемо для Флобера и бесплодно и поспѣшно въ его глазахъ. Вѣнецъ современной демократической идеологии — социализмъ, и къ нему Флоберъ безопаденъ. Онъ ясно видитъ все духовное убожество этого материалистическаго суррогата религіи и ѣдко смѣется надъ залежами глупости и Калифорніями прогресса, таящимися въ социализмѣ. *Le rêve du Socialisme*, говоритъ онъ, n'est ce pas de pouvoir faire asseoir l'humanité monstrueuse d'obésité dans une niche toute peinte de jaune comme les gares de chemins de fer. et qu'elle soit là à dandiner sur son siège, ivre, béate, les yeux clos, digérant son déjeuner, attendant le dîner et faisant sous elle.

Подобное благополучіе должно быть достигнуто путемъ полного поглощенія чудовищемъ социалистическаго государства всякаго индивидуальнаго дѣйствія, всякой личности, всякой мысли. Все будетъ дѣлать это государство, всемъ будетъ управлять оно. Жреческая тираннія лежитъ въ глубинѣ узкихъ социалистическихъ сердецъ. На путяхъ къ социализму человекъ дѣлается фанатикомъ болѣе, чѣмъ когда либо, но фанатикомъ самаго себя, только о себѣ поетъ онъ теперь, и его мысль, вздымающаяся выше солнца, пожирающая пространство и призывающая безконечность, не находитъ теперь ничего болѣе великаго, какъ лишь то самое убожество жизни, отъ котораго она пытается все время освободиться. Центральное мѣсто въ человѣческомъ міросозерцаніи получаетъ идея достиженія полного земнаго благополучія, идея земнаго рая — inferнальная, кошунственная идея, грозящая истребить человечество. Вѣдь, какъ только погибнетъ ощущеніе человѣческой недостаточности (*insuffisance*), ощущеніе жизненной бездны (*néant de la vie*) — люди станутъ глупѣе птицъ. Восемнадцатый вѣкъ стригалъ душу — дѣвятнадцатому вѣку, быть можетъ, предстанетъ убить человека . . . Появятся іезуиты будущаго — интернаціоналисты . . . Не будетъ болѣе мѣста идеямъ — останутся одни лишь вождельціи . . . Наступитъ тираннія, извращеніе природы (*antipature*), духовная смерть . . . Наступитъ свойственное всемъ темнымъ эпохамъ стремленіе къ мистицизму. Душа, не имѣя возможности раскрыться, будетъ уходить въ себя, наступитъ время всеобщаго томленія, вѣры въ конецъ свѣта, ожиданіе Мессіи. Но за отсутствіемъ теологической основы, гдѣ будетъ теперь точка опоры этого неосознаннаго энтузіазма? Одни будутъ искать его въ плоти, другіе въ старыхъ религіяхъ, иные въ искусствѣ; человечество, какъ колѣно израилева въ пустынь, будетъ поклоняться равнымъ идоламъ . . .

Социализмъ отрицаетъ страданіе и этимъ отрицаетъ поэзію жизни. Онъ хочетъ изсушить кровь Христову, бѣгущую по нашимъ жиламъ. Напрасно. Нѣтъ той силы, которая могла бы ее уничтожить. Сейчасъ душа спитъ, опьяненная всеми слышанными словами, но настанетъ пробужденіе, когда она предастся радостямъ освобожденія

Уходятъ правила, падаютъ преграды, нивелируется жизнь, не останется никакихъ сдержекъ — это будетъ бѣшеное пробужденіе . . . Быть можетъ, великая смута предвозвѣщаетъ свободу.

Горизонтъ не имѣетъ берега, такъ какъ за видимымъ горизонтомъ разкрывается новый, а за нимъ опять новый. Разъ человѣчество постоянно въ движеніи, то нелѣпа попытка дѣлать окончательные выводы. Гомеръ не дѣлаетъ выводовъ, ни Шекспиръ, ни Гете, ни даже Библия. Имѣть въ рукахъ рѣшеніе, цѣль, причину! Мы были бы тогда Богомъ. Человѣческое общество не искусственное произведеніе людей, не работа выполняемая по плану. Отдѣльная воля имѣетъ такое же вліяніе на существованіе и уничтоженіе цивилизации, какъ на произростаніе растений и составъ атмосферы. Вы приносите, великій человѣкъ, немного навоза сюда, немного крови туда, но вы уйдете, людская сила останется и будетъ двигаться безъ васъ, она увлечетъ за собой память о васъ вмѣстѣ съ остальными увиданными листьями, вашъ кусочекъ культуры исчезнетъ подъ травой, вашъ народъ подъ другими нашествіями, ваша религія подъ другими ученіями, но вѣчно, вѣчно будетъ наступать зима, весна, лѣто, осень, и не перестанутъ расти цвѣты, и не перестанутъ вздыматься изъ земли растительные соки . . .

Soyez plus chrétienne, пишетъ Флоберъ одной изъ своихъ корреспондентокъ, *résignez vous à l'ignomance* . . .

К. Зайцевъ.